

5. ДАЛЬНИЕ РОДСТВЕННИКИ

О Матвее Андреевиче – брате моего деда по отцу – я уже выше говорил. Жил он с семьей на самом краю деревни в добротном бревенчатом доме. У него было две дочери – Матрена (Моня) и Анна. Моня вышла замуж за Колганова Василия Петровича в деревню Калдево, расположенную близко от нашего районного центра Спас-Клепики. Родной брат мужа работал учителем, и у него до революции учился поэт С. А. Есенин (см. главу 1). Василий Петрович имел строительную специальность, закончив какое-то соответствующее заведение типа техникума. Колгановы в начале 1930-х годов уехали жить и работать в Москву. Василий Петрович постоянно там руководил строительством жилых домов, а с начала 1950-х годов перешел на работу в жилищно-коммунальное управление. Матрена Матвеевна освоила специальность шлифовщика и проработала на заводе до пенсионного возраста. У них был сын Борис и дочь Валентина. Колгановы каждое лето приезжали на время отпуска в деревню Анциферово вместе с детьми «подышать чистым воздухом». В это время я и Борис встречались достаточно часто и играли в незатейливые ребячьи деревенские игры. Колгановы слыли довольно хлебосольными людьми, привозили из столицы обычно невиданные в деревне продукты; мне почему-то запомнился попробованный впервые в жизни ананас. В Москве Колгановы впятером (с ними была еще престарелая мать Василия Петровича) жили в одной комнате коммунальной квартиры на Цветном бульваре прямо напротив цирка. Две другие комнаты занимала еще одна семья. Я первый раз побывал у них в Москве в 1948 году, когда проходил производственную практику в техникуме при строительстве жилого дома на станции Фрезер по Московско-Рязанской железной дороге, и был поражен очень стесненными условиями проживания. В комнате стояли стол у окна, длинная скамья вдоль стены и одна кровать. Меня тут же накормили и напоили, уговорив остаться ночевать (дело было в субботу вечером). Когда настала пора спать, с кровати сняли два матраца, на кровать уложили пожилую мать, из-под койки вынули еще три матраца и подушки, застелили простыни и достали каждому по одеялу. Вся площадь на полу оказалась занятой. Конечно, к такой тесноте я не привык, а они вот так жили уже почти 15 лет, тем более что Борис и Валентина учились в школе и им надо было где-то готовить уроки. Но взаимное уважение каждого в семье и понимание вот таких сложившихся трудных условий, уступки в чем-то друг другу помогали им существовать спокойно и без ругани. Меня они, тем не менее, просили обязательно заезжать к ним, когда я буду по тем или иным причинам в Москве. И я еще несколько раз ночевал у них, практически перестав удивляться такой тесноте. Матрена Матвеевна слыла исключительно доброй, радушной и гостеприимной хозяйкой, готовой последнее отдать зашедшим к ним знакомым. Недаром все наши деревенские из Анциферово, если случалась нужда ехать в Москву, останавливались на ночевки обязательно у Колгановых. Мать Василия Петровича скончалась в конце 1950-х годов. В 1952 году их соседям выделили

отдельное жилье, и Колгановым отдали две освободившиеся комнаты, то есть они стали хозяевами отдельной трехкомнатной квартиры. Вот теперь, как им казалось, наступила гармония, хотя это было только некоторое приближение к нормальным условиям жизни для такой большой семьи. Василий Петрович часто шутил, что, пожалуй, надо часть площади сдать в аренду цирку, у которого не хватало помещений для слонов и тигров, за бесплатное посещение всей семьей цирковых представлений.

В начале 1960-х годов Борис женился и стал жить у жены Валентины на улице Молодежной. У них родилась дочь Наташа. Я часто бывал у них, находясь в командировках в Москве, затем из-за спешек стал заезжать реже, а с 1985 года и вовсе не был у них ни разу.

Валентина после окончания средней школы закончила торговый техникум и работала в магазине «Детский мир» на площади Дзержинского (теперь Лубянской). Я, будучи в Москве, неоднократно на бегу заглядывал к ней в магазин. Затем она вышла замуж, стала Огнева и переехала к мужу в Зеленоград, где я никогда не был.

Матрена Матвеевна скончалась в 1978 году. Старый дом Колгановых на Цветном бульваре пошел под снос, Василию Петровичу дали где-то новую квартиру, он затем вторично женился, и с тех пор я ничего не знаю о его судьбе.

У Василия Петровича имелся двоюродный брат – Петр Степанович Колганов, который женился на второй дочери брата деда – Анне. Их семья жила

*Колгановы (слева направо) Нюра, Моня, Василий Петрович и я
на Цветном бульваре (1953 г.)*

в Химках. Я с ними несколько раз встречался у нас в деревне и в Москве у Василия Петровича на Цветном бульваре. Это были очень простые и гостеприимные люди. У них был один сын Геннадий 1938 года рождения. С начала 1980-х годов он, жена Валя и дочь Ира жили на Каширском шоссе недалеко от Московского инженерно-физического института. Я, бывая в институте в командировках практически ежегодно в течение 10 лет, забегал обычно вечерами к Колгановым повидаться и посидеть за бутылочкой вина. В очередной мой приезд в 1981 году Геннадий сообщил мне, что его родители недавно скончались один за другим. Где-то примерно в 1995 году Колгановы поменяли квартиру. Их новый адрес я так и не узнал.

Со своими деревенскими родственниками я встречался, конечно, чаще. Недалеко от нас жили однофамильцы Герасимовы, которых, как и нас, знали больше по деревенскому прозвищу *Самошины*. Отец говорил, что у нас был общий предок Самоил (Самоха), от которого и пошло это прозвище. (Тогда непонятны наша и родственников фамилии Герасимовы. Должен был быть какой-то Герасим, но такового никто не помнил. Возможно, наша фамилия пошла от имени святого Герасима Грачевника, день которого православные отмечают 17 марта: «Грач на горе – весна на дворе».) Глава большой и дружной семьи этих Самошиных Иван Михайлович был бригадиром колхозной рыболовецкой бригады и крупным знатоком мест обитания разной рыбы как в нашей Пре, так и в близлежащих водоемах. Он слыл достаточно строгим бригадиром, но очень веселым человеком, знал и часто рассказывал много забавных деревенских историй, хорошо пел старинные песни, особенно после употребления небольшого количества спиртного. На сдачу государству необходимого количества рыбы устанавливали колхозу план. Пойманную рыбу вывозили свежей в районный центр обычно навалом на телегах с корытообразным кузовом, плотно обшитым досками в два слоя и с высокими стенками; летом рыбу укрывали сверху толстым слоем крапивы и лопухов. Добывали рыбу только неводом. Зимой делали во льду по направлению протаскивания подо льдом крыльев невода, привязанных к длинным жердям, большое число прорубей и через них рогатинами передвигали по дну утяжеленные грузом жерди. Я любил наблюдать процесс ловли рыбы и, конечно, ее результат, когда из мотни начинали извлекать улов. Тут нам – ребятишкам – позволяли тоже выбирать и сортировать рыбу. Поэтому я всегда просил дядю Ваню взять меня на промысел. Обычно запрягали двух-трех лошадей в телеги (зимой – в сани), укладывали сети, еду, спиртное, большие кадки и, если ехали далеко и предварительно не договорились об аренде лодок, брали еще две лодки. Первоначально на двух лодках вместе заплывали с неводом далеко в водоем, затем расходились, заводя его крылья в стороны, охватывали ими нужное водное пространство и далее лодки причаливали к берегу одна от другой на ширину крыльев невода, после чего рыбаки за веревки тянули невод. Помню, как в озере Беленьком попалась щука весом около 35 килограммов. Иван Михайлович раздвинул руками пасть рыбины, показывая, что она шире моих плеч, и потому я

мог бы свободно разместиться в ней, если бы щука заглотила меня купающегося. Я с ужасом представил себя в пасти этого хищника и был рад, что эту здоровенную рыбину выловили из воды. Ведь иногда мы в поисках новых впечатлений ходили купаться и на это озеро. Я Самошиных посещал часто, так как учился в начальной школе в одном классе с их сыном Михаилом. Он с первого класса был самый рослый и сильный. Зная о моем родстве с ним, меня в школе никто из ребят, даже из старших классов, не задирали, так как некоторым от Мишки здорово за это попало. Сестра моя Валентина тоже была одноклассницей и подруга их дочери Антонины. Отец заходил к ним обычно только по большим праздникам, чтобы в первую очередь отведать свежей рыбы. В конце 2006 года мне написали из деревни, что в доме Самошиных остались только Антонина и ее тетя (Настя).

Кстати говоря, озеро Беленькое всегда вызывало у меня ряд вопросов в связи с необычностью его названия по сравнению с озером Черное с его торфяными трясинистыми и пружинящими под ногами берегами и потому с темной водой и с озером Ютницей с очень прозрачной водой и медленно нарастающей глубиной. В последнее втекало небольшой ручей и вытекало подобный, связывающий озеро с Прой. Во всех озерах водилась разнообразная рыба, причем в Черном – много щук и окуней темного цвета, по-видимому, от окраски воды, а в Ютнице обитало много раков. Название «Ютница» мне объяснить тогда никто не смог, и я происхождение этого слова не знаю до сих пор. Так вот озеро Беленькое идеально круглое диаметром около 1 км. Вода всегда в нем была очень чистой и прозрачной (может быть, отсюда его название), в озеро ничего не втекало и не вытекало (кроме мелких ручьев весной). Уровень воды держался круглый год постоянным, и это являлось загадкой, так как в других озерах он весной всегда повышался. Берег озера был из светло-желтого крупного песка, как и песчаное чистое дно. Глубина воды увеличивалась плавно и на расстоянии от берега около 20 метров составляла примерно 1,2 метра и затем резко (обрывом) возрастала до 3–6 метров и более (говорили, что в середине глубина составляет 100 метров). А на границе обрыва вокруг озера кольцом около двух метров шириной буйно росла со дна трава, зеленые стебли с листьями которой расстилались на поверхности воды. У нас называли эту траву «горошник». В яркий солнечный день невозможно было оторвать глаз от этой красоты. Отец говорил, что как до войны, так и после не раз приезжали экспедиции для каких-то исследований озера: может, хотели узнать его происхождение или определить состав воды для лечебных целей – неясно. Но местные жители всегда считали воду озера целебной, содержащей ионы серебра. Я позже предполагал, что, возможно, озеро образовалось в результате карстового провала, но в округе нигде карстов не было. А возможно, в давние времена врезался здесь в землю метеорит с последующим взрывом и выбросом песка? В озере водились крупные жирные окуни, которые попадались на спиннинги и удочки на большой глубине. Я с отцом несколько раз ездил на озеро с бреднем за такой рыбой ночью, когда хищники выходили на прибрежную отмель за добычей. Причем, из-за высокой прозрачности воды мы

обычно выбирали темную ночь и лучше с мелким дождем. Уловы всегда были обильными.

Жили еще в нашей деревне родственники Тереховы. Мать с ними очень считалась, но, так как у них не было наших сверстников, то мы появлялись у них редко, только с поручениями от матери.

В Чебукино в двух километрах от нас, где находилась начальная школа, в которой я учился, я заходил часто к родственникам Козловым. Меня тянуло к ним, потому что в семье было три брата старше меня на 7–12 лет и все заядлые охотники и рыбаки (в 1941 году их призвали в армию). Для охоты сыновья держали несколько собак типа лаек. Собаки меня знали, и я любил с ними возиться. Мы дома никогда собак не держали, так как мать боялась их с детства, когда они ее покусали. Касательно рыболовства нужно сказать следующее. Река Пра напротив Чебукино образует своеобразное озеро диаметром около 2,5 км с обилием поросших кустарником и густой высокой травой островков и проток между ними. Разнообразной рыбы в Пре водилось много, запретов на ее ловлю не было, практически в каждом доме имели свою лодку или челн, привязанные цепью (иногда без замка) ко вкопанному у берега реки в грунт индивидуальному столбику. Соответственно держали и рыболовные снасти, в частности, бредни. Браконьерством рыбы тогда не занимались и вылавливали ее лишь столько, сколько требовалось на данный момент или на ближнюю перспективу. Одной из причин, возможно, являлось отсутствие холодильников, хотя ледники в виде глубоких ям в крытых погребах, в которые зимой закладывали глыбы льда и снег, имелись почти в каждом дворе, и лед в них сохранялся до середины лета или даже дольше. Солением или вялением рыбы в нашей местности тоже не занимались, а вот в русских печах на жаровнях сушили впрок чуть-чуть подсоленную рыбу. Наша мать это делала и хранила рыбу в сухом месте в подвешенных мешочках над полатами. Чаще всего она заготавливала куски щучьего мяса из-за того, что у щуки меньше костей. Рыба шла в пищу в посты, которые в течение нескольких дней мать обязательно пыталась соблюдать. А я и сестры, греясь зимой на печи, любили жевать такую рыбу наподобие современной резиновой «жвачки».

Так вот братья Козловы слыли именно любителями рыбалки, им важен был сам процесс, хотя рыбы они привозили достаточно и раздавали соседям и всем желающим. Бреднем они не пользовались, а применяли удочки, спиннинги и перевертки. Зная, где водятся крупные окуни, щуки и язи, они отправлялись ловить в определенный день только конкретную рыбу.

Относительно же их охоты отмечу, что в наших Мещерских местах было раздолье для разнообразной дичи. До сих пор помню необычную встречу «лицом к лицу» с вообще-то очень осторожной лисой, напугавшей меня. Я быстро шел по узенькой лесной тропинке, густо поросшей по краям невысоким березняком. Вдруг что-то желто-рыжее взвилось передо мной, ударило чем-то мягким по лицу и быстро развернулось на 180 градусов. Я резко отпрыгнул назад и увидел удирающую красавицу-лису. Видно, кто-то испугнул ее и она резво бежала

по тропинке, но за поворотом не увидела меня, а потому и наскочила. Проскользнуть мимо ног ей помешали густые заросли, и тогда лиса подпрыгнула в воздухе, смазала лапой по моей щеке и, сделав сальто, опрометью помчалась прочь. А зимой произошла встреча с зайцем. Осенью у нас из колхозных скотных построек (коровьих, лошадиных, телячьих) вывозили на поля навоз и складывали его в большие кучи. Биологический процесс гниения масс сильно разогревал их, отчего зимой снег на кучах и даже около них таял, а над кучами всегда стоял легкий туман из-за конденсации теплых водяных паров. Вокруг этих куч почему-то любили располагаться зайцы, они делали здесь норы в снегу и устраивали лежки. Привлекал ли их навоз или запах аммиака, тепло или что иное – непонятно. Я осторожно днем подкрадывался на лыжах к какой-нибудь куче, громко начинал свистеть или кричать, и беляки и русаки резво выпрыгивали из снежных нор и быстро улепетывали во всех направлениях. Как-то всю ночь мела вьюга, а утром я по свежему снегу подъехал на лыжах к первой куче. Заячьих следов не было видно, и я решил, что они спасались от непогоды в лесу. Пока я размышлял, вдруг почувствовал как под лыжами заскрипел снег. Потом что-то сильно ударило меня меж ног и поднялся вихрь снега. От неожиданности и боли я выпрыгнул из ремешков лыж в глубокий снег и увидел, как длинными прыжками удирает крупный заяц. Как я понял, он с вечера устроил здесь лежку, а его занесло снегом, и я, наехав на него, потревожил зверя. Вот он реактивно и выскочил головой вверх вместе со снежной крышей. Боль же у меня длилась больше недели, и я с тех пор без шума не рисковал подъезжать к таким навозным кучам.

Весной и осенью через нашу Мещеру пролегал миграционный путь огромных стай перелетных птиц – цапель, гусей, куликов, крякв, шилохвостей, чирков. Из четырех последних видов много оставалось весной на гнездовья в заливных лугах и на островках Пры. Вот на эту дичь и охотились братья Козловы. Цапель никогда не стреляли: они считались очень костлявыми. А вот гуси попадали под их прицелы. Причем косяки гусей летели почему-то всегда невысоко от земли, и дробь из ружей доставала до них. Нам же иногда доставались только подбитые утки, хотя мать с ними возиться не любила: обрабатывать долго, мяса мало. Меня более интересовала добыча братьев зимой. Охотились они в это время коллективно, распределяли роли каждого и четко выполняли их, то есть кто-то сидит в засаде, а кто-то участвует в поиске и гоне с собаками зверя в нужном направлении. Я несколько раз участвовал без ружья в засаде с кем-нибудь из братьев. Чаще всего добычей были зайцы – русаки и беляки, иногда лисы, реже – волки, шкуры которых сдавали в заготовительный пункт в обмен на охотничьи принадлежности. У меня до сих пор стоит в ушах жалобный крик русака, смертельно подбитого картечью. Особенно запомнилась однажды добытая братьями рысь. Они долго шли на самодельных широких лыжах (у нас такие лыжи называли охотничьими) с собаками по ее следу, пока не увидели на большом суку дуба затаившегося зверя, приготовившегося к прыжку на пробегающую мимо живность. Я долго любовался этой большой рыжевато-пятнистой кошкой, нежными

кисточками ее ушей, большими карими глазами, густым мягким мехом и широкими мощными когтистыми лапами и очень переживал, что загубили такую красавицу.

Один из братьев, Михаил, работал кузнецом в Чебукинском колхозе, и кузня его находилась на пути в нашу деревню, в 200 метрах от начальной школы. Возвращаясь из школы, я нередко заходил в эту кузницу пообщаться с родственником, а главное, посмотреть на его интересную работу с раскаленным в горне металлом. Но особенно часто я бывал в кузне нашего колхоза, в том числе и по воскресеньям, так как тогда в колхозах не имели понятия о выходных днях. В ней работал еще один Козлов – Александр. Все звали его Шурой, так называл его и я. По-моему, он был наиболее мастеровым. Шура охотно позволял мне «качать меха» для раздувания углей в горне и повышения в нем температуры и одновременно наблюдать за его искусством изготовления на массивной чугуновой наковальне каких-либо деталей или запасных частей к колхозным сельскохозяйственным орудиям: плугам, боронам, сеялкам и т. д. Он хорошо умел сваривать стальные раскаленные детали посредством ихковки, добавляя в место стыка буру в качестве флюса. Восстанавливал работоспособность практически всего инвентаря, доставляемого к кузнице. К нему шли жители, в том числе и из соседних деревень, с самыми разнообразными просьбами отремонтировать что-либо или изготовить вновь. Отказов не было, да и председатель колхоза разрешал помогать людям. Шура много занимался пайкой, чаще всего образовавшихся отверстий в самоварах, восстанавливал работу замков, часов-ходиков с гириями и будильников, швейных ножных и ручных машинок. Он давал и мне плющить и загибать раскаленные железные прутья, показывая, как нужно сделать задуманную деталь, научил паять свинцово-оловянистыми припоями с применением буры. Из денег, что давали ему за работу жители, он брал себе только какую-то небольшую сумму, а остальные тратил в значительной мере для приобретения инструмента и металла на складах или в магазинах районного центра, куда раз в месяц ездил с кем-нибудь на конной повозке.

К сожалению, из братьев Козловых с войны вернулся живым только Шура. Он продолжил кузнечить в нашем колхозе, оставался все таким же мастеровитым, жители окрестных деревень продолжали приходить к нему с просьбами и очень уважали его. Но видно было, что война наложила огромный отпечаток на его психику. Может быть, очень ему не хватало братьев. Шура уже не шутил, редко улыбался и не разговаривал на посторонние темы, однако со мной отношения оставались добрыми. Охотиться и рыбачить он продолжал теперь уже в одиночку в разрешенное время года, но это уже не доставляло ему такого удовольствия, как когда это происходило раньше совместно с братьями и в соревновании с ними. Когда началась моя учеба в Рязани в 1946 году, я стал встречаться с Шурой реже, только во время летних каникул.

Погибших на войне было у нас в деревне очень много – практически в каждом доме. Не забыть никогда, как после очередной похоронки люди собирались

в доме убитого и женщины оплакивали совместно это горе. Непонятно почему, но в нашей деревне рождались в основном мальчишки. Например, у сестры деда бабы Дуни Митрохиной были три сына и одна дочь. Мне ее сын Дмитрий запомнился тем, что при валке в лесу деревьев в одном из них оказалось беличье дупло с детенышами. И одного голенького и слепого бельчонка кто-то из мужчин принес в деревню и подарил Дмитрию. Тот его выходил и вырастил. Бельчонок превратился в красивую белочку, и она жила у Митрохиных три года, причем четко отличала от всех Дмитрия, спала с ним и сидела только у него на руках. Я неоднократно ходил к Митрохиным посмотреть или даже потрогать живую белку. Когда же Дмитрий выходил на улицу, то белка обычно сидела у него в кармане. И было всем неожиданно и странно, когда вдруг у него начинало что-то шевелиться в боковом кармане, а затем показывалась из-за пазухи любопытная глазастая мордочка зверька. Через три года белка куда-то пропала. Митрохины считали, что сама она убежать не могла, по-видимому, ее кто-то украл.

Семья Митрохиных еще в 1930 году купила и имела единственный в деревне граммофон, и много селян приходило к ним послушать пластинки с русскими задорными песнями Лидии Руслановой, Мордасовой и хора Пятницкого, других исполнителей. У соседа слева от нас было трое сыновей и дочь, у соседа справа – трое сыновей и четыре дочери. Примерно такое же засилье мужчин было и в других семьях. Поэтому наша деревня считалась в округе мужицкой и вотчиной потенциальных женихов для невест из ближних деревень, для чего туда на вечерние гулянки и драки отправлялись периодически компании молодых ребят. В первый же месяц войны призвали в армию всех пригодных мужчин, и деревня сильно опустела. А погибало тогда в 1941–1943 годах особенно много необученных воинов из-за неподготовленности командиров и армии, неумения организовать оборону, да и отсутствия достаточного количества нужного вооружения. Как сообщает современная статистика, на одного убитого немца приходилось 6–8 наших. У бабы Дуни сразу погиб сын Дмитрий, а другой – Иван – пропал без вести. По окончании войны он был обнаружен в Германии в концентрационном лагере, а когда вернулся, то его сразу отправили в тюрьму на 10 лет за то, что попал, будучи контуженным и без памяти, в плен. Нужно же было согласно приказу Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина в любом случае драться до последнего патрона или застрелиться. Ивана достаточно быстро реабилитировали, что было удивительно для того времени, и он через три года вернулся из лагеря домой, прожив еще после этого около 25 лет. Он женился на вдове, тоже нашей дальней родственнице – Тане Хрусталевой, и стал жить у нее в доме в Дунино. Я при каждой возможности старался зайти к ним, так как мне нравилась еще с довоенных времен эта родственница своим гостеприимством и хозяйственностью. Иван Яковлевич тоже был очень приветливым, деликатным, никогда не ругался матом, не курил, слыл большим мастером, особенно по столярному делу, хорошим пасечником и очень интересным рассказчиком. А младший сын бабы Дуни – Сергей – вернулся с войны с легким ранением, женился на деревенской

жительнице – Анне Михайловне Фоминой – и прожил до 1997 года. Он примечал особенности сельчан и любил подтрунивать над ними, воспроизводил их мимику, артистично имитируя их разговор или поведение. Был юморным рассказчиком разных жизненных коллизий и тоже мастером деревенских ремесел, завел большую пасеку и много работал в колхозе по просьбе председателя. Я общался с Сергеем Яковлевичем довольно много, в основном на колхозных работах летом (косьба травы, заготовка сена, уборка урожая, молотьба зерновых) и когда приезжал в отпуск. Сохранил о нем самую добрую память.

Сестра Сергея Яковлевича – Мария – была внешне очень обаятельная женщина с приятным манерами, мягким тембром голоса, похожая сильно на свою мать – бабу Дуню. Мне этим она очень нравилась. Мария закончила во время войны строительный техникум и работала в Подмоскowie (в Щелково) на кирпично-плиточном заводе, одно время – начальником цеха. Там же вышла и замуж, у нее родилась дочь Людмила. Как написали мне в конце 2006 года из деревни, Людмила впервые приезжала в том году с мужем Евгением из Таллина погостить и посмотреть деревню Анциферово – родину ее матери и предков.

У Сергея Яковлевича и Анны Михайловны был сын Борис. После службы в армии он работал шофером на грузовой машине в различных организациях, а в годы перед развалом СССР – шофером в своем колхозе. У него с женой Валентиной, жительницей из соседней деревни Алтухово, родились дочь Людмила и сын Дмитрий. Борис внезапно скончался в 1997 году. Людмила закончила в Рязани медицинское училище, и ее направили на работу в поселок Баграмово Рыбновского района Рязанской области. Она прислала мне письмо, в котором сообщила, что бабушка – Анна Михайловна – скончалась от инсульта в июне 2006 года. Мама – Валентина Николаевна – служит продавцом в магазине, в котором когда-то работал мой отец. Брат Дмитрий живет в деревне, не женат, имеет свой трактор, на котором подрабатывает на частных подрядах. Людмила работает медсестрой в железнодорожной больнице, а муж Игорь – машинистом электровоза. Сын Денис закончил среднюю школу и поступил учиться в Рязанский железнодорожный техникум (я окончил его в 1950 году). Имеют автомашину и дачу. Так как наша деревня Анциферово расположена от Баграмово на расстоянии 80 километров, то они часто по выходным дням ездят на автомашине к матери. Я несколько раз звонил Людмиле, и она рассказывала мне последние деревенские новости и постоянно просила приехать к ним повидаться и погостить.

О родственниках по линии моей супруги – Жанны Александровны, проживших большую часть времени в г. Иваново и находящихся ныне там же, можно написать очень много и даже в виде отдельной поэмы. Это очень гостеприимные и абсолютно бескорыстные люди даже в наше рыночно-коммерческое время, любящие все живое: Балахнины – отец Александр Михайлович (1894–1958 гг.), мать Евдокия Никифоровна (1897–1992 гг.), старшие сестры – Марта и Лидия (скончалась в 1999 г.), племянницы – Татьяна и Марина, племянник – Георгий. Татьяна – это исключительно приветливый и приятный человек, радостно встре-

чающий всех родных и знакомых, а также только что вошедших впервые в их квартиру людей. Я никогда больше не встречал таких радушных людей.

6. НАШИ ДЕРЕВЕНСКИЕ СОСЕДИ

Слева от нас в деревне жила семья дяди Коли (так его звали все сельчане) с фамилией тоже Герасимовы, но не наши родственники. Дядя Коля был суровым, молчаливым, уже пожилым мужчиной и потому мало привлекался к колхозным делам, хотя по дому всегда был занят какой-то работой. На любую просьбу жителей деревни помочь в чем-то или дать попользоваться его инструментом и инвентарем всегда отвечал согласием. У дяди Коли был лучший в деревне яблонево-сливовый сад (груш почему-то он не держал), за которым он с любовью и знанием дела ухаживал. Всегда осенью белил стволы деревьев, разводил весной на ночь дымовые костры, если ожидалась заморозки, прививал разные сорта плодовых деревьев, в конце зимы обрезал лишние сучья, разреживая для большей освещенности крону. Упавшие с его деревьев на землю яблоки бессемянки, бели и еще каких-то красных и вкусных сортов я изредка подгребал длинной палкой к себе через отверстия в заборе. В нашем саду таких яблонь не было, а, кроме того, чужие всегда кажутся слаще. Его супруга – тетя Дуня – тоже постоянно хлопотала по домашнему хозяйству.

С этими соседями мои родители общались редко, но я на улице часто спрашивал о чем-либо дядю Колю, и он мне все охотно рассказывал и показывал. В малолетние годы, когда я слышал какой-то стук и шум в их дворе, то мог без спроса заходить к ним и смотреть, как дядя Коля работает со столярным инструментом или на ножном точильном деревообрабатывающем станке. Я не помню, чтобы сосед когда-либо прогнал меня. Мой отец говорил, что до революции дядя Коля был одним из наиболее крепких и зажиточных крестьян и даже нанимал батраков для обработки своих полей. В главе 1 я уже немного писал о хозяйстве дяди Коли. Помню, что в 1940 году я увидел через забор, что сосед в присутствии каких-то двух мужчин с портфелями рубит топором под корень свои с любовью выращенные яблони. При этом он горько плакал, не скрывая своих слез. Я был очень озадачен происходящим и стал наблюдать за дальнейшим развитием событий. Оставив только четыре или пять яблонь, дядя Коля стал горячо спорить, доказывая присутствующим, что сливы и чернослив – это не фруктовые деревья, а кустарники.

Вечером я рассказал все отцу, и он пояснил, что Советская власть приняла какой-то дурной закон о высоком налоге на фруктовые деревья, поэтому и началась их переписка в каждом саду уполномоченными на то лицами. И чтобы не платить огромные деньги, дядя Коля и рушил свой сад. Без налога разрешалось держать только четыре фруктовых дерева. У нас в саду было 8 яблонь, 4 из которых занесли в налоговую ведомость, а две стоящие в стороне около хлевов груши